АХ 319

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ XIV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Содержание

Стр.

Предисловие редактора II

Искусство и литература

Письма без адреса 1
(«Научное Обозрение», 1899 г. № 11; 1900 г. №№ 3, 6)
Письмо первое . . . . . —
» второе 36
» третье 53
Пролетарское движение и буржуазное искусство 74
(«Правда», 1905 г., № 11)
Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии 95
(«Правда», 1905 г., №№ 9, 10)
Искусство и общественная жизнь 120
(«Современник», 1912 г., №№ 11, 12 и 1913 г., № 1)
Предисловие к 3-му изданию сборника «За двадцать лет» 183
(Изд. «Общественная польза», 1908 г.)
Генрик Ибсен 193
(Изд. «Библиотека для всех» О. Н. Рутенберг)
Сын доктора Стокмана 238
(Сб. «От обороны к нападению»)
Идеология мещанина нашего времени 259
(Сб. «От обороны к нападению»)
О книге Д. В. Философова. 345
Сб. «От обороны к нападению»).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Под общей редакцией **Д. Б. Рязанова.**

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Под ред. и с примечаниями Д. Рязанова.

Т. I. **К. Маркс.** Статьи и письма 1837—1844 г.г. С иллюстрациями. Стр. XXXII+563. Ц. 1 р. 80 к. в папке.

Т. II. **Ф. Энгельс.** Статьи и корреспонденции 1839 — 1844 г.г. С иллюстрациями. Стр. 624. Ц. 4 р. 50 к. в папке.

Т. X. Статьи и корреспонденции 1852—1854 г.г. Письма об Англии. Восточный вопрос. Пальмерстон. Стр. 608. Ц. 3 р. 25 к.

Т. XI. Статьи и корреспонденции 1854—1855 г.г. Крымская война. Министерство Пальмерстона. Джон Россель. Испанская революция. Стр. 654. Ц. 3 р. 50 к.

В Собрание сочинений Маркса и Энгельса вошли многие работы Маркса и Энгельса, до сих пор не опубликованные ни в русской, ни в иностранной литературе и впервые появившиеся в настоящем издании.

К. Каутский. Собрание сочинений.

Т. X. Происхождение христианства. Под ред. Д. Рязанова. Стр. 443. Ц. 2 р. 10 к.

Т. XII. Размножение и развитие в природе и обществе. Под ред. Д. Рязанова. Стр. XVI+284. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящее издание этой книги дополнено статьями **Каутского** «Чернышевский и Мальтус», «Ответ критикам», а также новым предисловием редактора.

Г. В. Плеханов. Сочинения. Под ред. Д. Рязанова. Т I Статьи до 1883 г. Период народнический. Стр. 364. Ц. 1 р. 50 к.

Т. II. Статьи 1883—1888 г.г. От основания группы «Освобождение Труда» до организации «Русского Социал - Демократического Союза». Стр. 404 Ц. 1 р. 50 к.

Т. III. 1888—1892 г.г. На русские темы. Стр. 428. Ц. 1 р. 50 к.

Т. IV. На международные темы. 1887—1894 г.г. Стр. 332. Ц. 1 р. 25 к.

Том V. Н. Г. Чернышевский, кн. I. Стр. 363. Ц. 2 р. 50 к.

Том VI. Н. Г. Чернышевский, кн. II. Стр. 413. Ц. 2 р. 50 к.

Т. VII. Обоснование и защита марксизма. Часть первая. Стр. 331. Ц. 1 р. 50 к.

Т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Часть вторая. Стр. 411. Ц. 1 р. 50 к.

Т. IX. Против народничества. Стр. 367. Ц. 2 р. 20 к.

Т. X. Литературно-критические статьи (1898—1903). Стр. 422. Ц. 2 р. 25 к., в пап. 2 р. 75 к.

Т. XI. Критика наших критиков. Стр. 397. Ц. 1 р. 50 к.

Т. XII. Вопросы программы и тактики. 1900—1903 г.г. Стр. 536. Ц. 3 р.

Том XIV. Искусство и литература.

Том XVI. Синдикализм, анархизм, социализм.

Том XVII. Против эмпириомонизма и богоискательства.

Том XVIII. От утопии к науке.

П. Лафарг. Сочинения. Т. I. Из истории социализма во Франции в последнюю четверть XIX ст.—Программные и тактические работы.—Воспоминания (печ.).

Популярная серия.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. 3-е доп. изд. с введ. и прим. Д. Рязанова., Стр. 343. Ц. 1 р. 50 к.

То же. Карманное издание. Стр. 338. Ц. 1 р. 50 к. в папке

Г. Плеханов. Основные вопросы марксизма. Под ред. и с примеч. Д. Рязанова. Стр. 126. Ц. 35 к.

Г. Плеханов. Очерки по истории материализма. Под ред. и с примеч. Д. Рязанова. Стр. 288. Ц. 1 р. 50 к.

В. Ваганян. Опыт библиографии Г. В. Плеханова. Предисл. Д. Рязанова. Стр. 118. Ц. 40 к.

католицизма, но и вообще христианства [1]). С этой стороны Ивар Карено очень далек от «последнего выдающегося человека байроновского типа». Но он весьма близок к нему со стороны политики: мы хорошо знаем, как ненавидит Карено демократию. Тут он охотно подал бы руку Барбэ-д'Орвильи. А это значит, что одна из самых важных черт его характера роднит его с вырождившимся «байроновским типом». Если отцом его был доктор Стокман, то между более отдаленными предками его, наверно, были байронисты.

Так обстоит дело с точки зрения психологии. А как обстоит оно с точки зрения социологии? Почему выродился «байроновский тип»? Почему «выдающиеся люди», ненавидевшие когда-то деспотизм и более или менее сочувствовавшие освободительным движениям народов, готовы рукоплескать теперь деспотам и топтать в грязь освободительные стремления рабочего класса? Оттого, что общественные отношения коренным образом изменились. Буржуазное общество переживает теперь совсем другую фразу своего развития. Оно было молодо, когда блистал настоящий (невыродившийся) «байроновский тип» [2]). Оно клонится к упадку теперь, когда по-своему,—подобно новому медному пятаку—блистает ницшеанский тип, одним из представителей которого является Ивар Карено.

Ницшеанцы считают себя непримиримыми врагами мещанства. А на самом деле они насквозь пропитаны его духом.

Мы уже видели, как отразилось свойственное им мещанство на творчестве Кнута Гамсуна: очень большой художник дошел до того, что созданный им тип производит траги-комическое впечатление, в то время, когда, согласно намерению автора, он должен был бы поразить нас своим глубоким трагизмом. А это уже совсем плохо. Тут приходится признать, что антипролетарская тенденция современных «героических» мещан сильно вредит интересам искусства.

---

[1]) Он кричит Иервену, убедившись в его «измене»: «Поди и отдай свои деньги попам». (Стр. 87.) Когда его жена с огорчением вспоминает, что он отнесся холодно к картине, которую она подарила ему в день его рождения, он спокойно возражает: «Но ведь это было изображение Христа, Элина» (стр. 67). Бедная фру Карено убеждена, что «он, конечно, и в бога не верует» (стр. 47.)

[2]) Недаром байроновский Лара, в сущности равнодушный к интересам своих ближних, становится во главе восстания против феодалов.

Идеология мещанина нашего времени

Oh ironie, sainte ironie, viens que je t'adore!

П. Ж. Прудон.

I

Г. Иванов-Разумник написал двухтомную «Историю русской общественной мысли», в короткое время выдержавшую два издания. И хотя, разумеется, успех данного сочинения никогда не может служить ручательством за его внутреннюю ценность, но он во всяком случае показывает, что содержание этого сочинения соответствует известным требованиям читающей публики. Поэтому всякое сочинение, пользующееся успехом, заслуживает внимания со стороны того, кто по той или другой причине интересуется вкусами читателей. Что же касается, в частности, сочинения г. Иванова-Разумника, то оно интересно еще и потому, что посвящено в высшей степени важному предмету. Как не интересоваться русскому человеку историей развития русской общественной мысли?

Я с жадностью прочел «труд»,—как любит выражаться г. Кареев,—г. Иванова-Разумника. Прочел и... мне стала понятна причина того успеха, которым, несомненно, пользуется теперь у нас наш новый историк русской общественной мысли.

Всякий процесс развития, всякая «история» представляется людям в различном виде, сообразно той точке зрения, с которой они на него смотрят. Точка зрения—великое дело. Не даром же Фейербах говорил когда-то, что человек отличается от обезьяны только своей точкой зрения. Какова же точка зрения г. Иванова-Разумника?

Она характеризуется подзаглавием его книги: «Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.». Г. Иванов-Разумник—непримиримый враг мещанства. Мещанство, это — тот шиболет, с помощью которого он определяет, — в положительном или в отрицательном смысле,—заслуги русских писателей:

предстоит все большее и большее приобщение к мелкой собственности. Проникнувшись этим убеждением, Герцен, естественно, уже не мог ожидать от будущего никаких коренных изменений в общественном строе Западной Европы.

«Куда я ни смотрю, — писал он, — везде вижу седые волосы, морщины, сгорбившиеся спины, завещания, итоги, выносы, концы и все ищу, ищу начал, они только в теории и в отвлечениях».

Известно, что разочарованию Герцена в Западной Европе сильно способствовало крушение революции 1848 года [1]). Такое же разочарование испытали и многие из его западных современников, и замечательно, что это разочарование не коснулось только тех, которые сумели до конца продумать теорию, об'ясняющую ход мысли ходом жизни. Только сторонники материалистического об'яснения истории — правда, весьма немногочисленные в то время — сохранили спокойную уверенность в торжестве своих идеалов. Читатель не забыл, конечно, знаменитого восклицания Маркса: «Революция умерла! Да здравствует революция!» Маркс понимал, что развитие западно-европейских экономических отношений ведет вовсе не к торжеству мелкой собственности, и что историческая роль пролетариата состоит вовсе не в том, чтобы приобщиться к мелко-буржуазной собственности. Герцен, испытавший на себе сильное влияние Прудона и даже не подозревавший, что́ такое представляло собою учение Маркса, не доработался до этой спокойной уверенности [2]). И в этом было его величайшее несчастие, в этом заключался глубочайший трагизм его «борьбы с Западом» — борьбы не лучше понятой теперь г. Ивановым-Разумником, чем понимал ее когда-то Страхов. Эта-то полная потеря веры в Западную Европу едва-ли не более всего способствовала тому, что Герцен, отвернувшись от «старого мира», сделался — по справедливому на этот раз мнению нашего историка — родоначальником русского народничества.

[1]) Прим. из сборн. «От обороны к нападению».—Но именно недавно способствовало. «К разочарованию» в Западе он, по своему собственному признанию, склонялся еще до названной революции. См. мою статью: «Герцен-эмигрант» в 13-м выпуске «История русской литературы XIX века», под редакцией Д. Н. Овсянико-Куликовского.

[2]) Если состояние западно-европейской мысли об'ясняется у Герцена складом западно-европейской жизни, то, задумываясь о будущем развитии России, он сразу переходит на идеалистическую точку зрения и воображает, что интеллигенция переделает сельскую общину согласно своему идеалу. Но об этом — потом.

VIII.

По Герцену, социализм сделается консервативным, — и, в этом смысле уподобится мещанству, — лишь в конечной стадии своего развития, лишь развившись до абсурда. А наша интеллигенция конца XIX и начала XX века, — проницательность которой внушает г. Иванову-Разумнику столь очевидное и столь большое уважение, — об'явила превращение социализма в мещанство делом самого близкого будущего и, в значительной степени, даже настоящего времени. И это чрезвычайно характерно для нее. Не менее для нее характерно и то, что она долго не переставала, да, повидимому, и теперь еще не совсем перестала строить глазки г. Э. Бернштейну и другим, подобным ему «критикам Маркса». Если «посмотришь с холодным вниманьем вокруг», то делается несомненным, как дважды два четыре, что за Бернштейновскую критику она хваталась только по одной причине: эта пресловутая «критика» давала ей желанный и превосходнейший предлог для того, чтобы повернуться спиной к стремлениям пролетариата, о которых она вынуждена была наговорить много хороших слов в период своей борьбы с народнической азиатчиной. Французская пословица гласит: quand on veut pendre un chien, on le dit enragé (когда хотят повесить собаку, то говорят, что она взбесилась). А когда наша интеллигенция en question — та интеллигенция, которая будто бы так хорошо поняла «еретическую мысль Герцена», — хотела отвернуться от пролетариата и постигла свое истинное призвание быть буржуазной интеллигенцией, она приравняла пролетарские стремления к мещанству [1]). Что же касается подобного приравнивания, то Бернштейновская «критика» — надо отдать ей эту справедливость — давала для него великолепный материал. В лице г. Бернштейна и прочих «критиков» этого калибра социалистическая мысль в самом деле сдавалась на капитуляцию мещанству, об'явив несбыточными, утопическими бреднями неисправимых и неспособных к критическому мышлению «догматиков» все стремления, идущие дальше «социальной реформы». Кто не помнит, с каким высокомерным презрением отозвался г. Бернштейн о «конечной цели»? В лице таких «критиков» социалистическая мысль в самом деле выступила проповедницей молчалинского принципа умеренности и аккуратности. Как

[1]) Разумеется, только в той их части, которая выходит за пределы освободительных (преимущественно политических) стремлений передового слоя нашей мелкой буржуазии.